

М 14020

ИНСТИТУТ К.МАРКСА И Ф.ЭНГЕЛЬСА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОБДИНЯЙТЕСЬ!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

IV

1 9 2 7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

V-86

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА)

IV

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1927 * ЛЕНИНГРАД

*Дом Плеханова™
№ 274*

борьбе, борьбе не на жизнь, а на смерть, между пролетариатом и буржуазией, между теми, что трудятся, и теми, что захватывают продукты их труда. Маркс описал нам фазисы этой борьбы и указал ее неизбежный исход. Он стал на сторону угнетенных, он призвал их к организации, к международному единению. И пролетарии массами ответили на этот призыв. Не прошло еще пятидесяти лет с той поры, как раздались великие слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а красное знамя международного социализма гордо развевается уже во всех странах, захваченных капиталистической системой. И с каждым днем движение приобретает все большую силу, с каждым днем темп его ускоряется, с каждым днем борьба все более ожесточается.

Будем же готовы, ибо близок день решительной битвы!

II

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ КРИЗИСЕ В ШКОЛЕ МАРКСА ¹⁾

(КОНСПЕКТ ЛЕКЦИИ ПРОТИВ БЕРНШТЕЙНА И К. ШМИДА)

Гражданки и граждане!

Социалисты наших дней отличаются особым даром внушать от времени до времени чувства радости и надежды той самой буржуазии, которая обычно и с полным основанием считает их своими смертельными врагами. Чем объясняется это странное явление? Оно объясняется так называемыми расколами в лагере социалистов. Так, семь или восемь лет тому назад германская буржуазия радовалась по поводу того, что тогда называли раздорами между молодыми и старыми и социал-демократами. В «молодых» она усматривала противоядие против «старых» и она надеялась, что, с помощью бога и полиции, «молодые» нейтрализуют «стариков» и она легко овладеет полем битвы и заставит замолчать как «стариков», так и «молодых».

Теперь буржуазия радуется по поводу полемики, вызванной некоторыми статьями Эдуарда Бернштейна в «Neue Zeit» и Конрада Шмидта в «Vorwärts». Идеологи буржуазии прославляют этих двух писателей как разумных и мужественных людей, которые поняли ложность социалистического учения и не поколебались отречься от него. Так, профессор Юлиус Вольф, довольно известный похитатель социалистов, пытается в ряде статей, озаглавленных «Illusionisten und Realisten in der Nationaleconomie» и печатающихся в «Zeitschrift für Sozial-

¹⁾ В архиве Г. В. Плеханова, как сообщила его вдова, Р. М. Плеханова, имеется письмо Ю. Лагарделля от 19 октября 1901 года, в котором последний просит Плеханова дать статью для готовившегося к выходу нового журнала «Mouvement socialiste» (журнал этот только через несколько лет стал органом синдикалистского направления). Со своей стороны, Лагарделль предлагал, в случае согласия Плеханова, первую статью написать на тему «Y a-t-il une crise dans le marxisme?» (Существует ли кризис в марксизме?). Является ли предлагаемый конспект одновременно черновиком для статьи и конспектом для лекции? Во всяком случае в «Mouvement socialiste» статьи Плеханова на такую тему не появлялись, и Р. М. Плеханова не помнит, чтобы он читал на эту тему доклад. Она предполагает, что обострение болезни помешало ему обработать этот черновик для печати.

Черновик написан по-французски и печатается у нас в переводе. — П р и м. р е д.

wissenschaft» за этот год, разбить учение Карла Маркса при помощи аргументов, почерпнутых у Бернштейна и Конрада Шмидта. Так, профессор Массарик, со своей стороны, в речи, произнесенной в Пражском университете, говорил о кризисе, переживаемом марксистской школой, и противопоставлял некоторые взгляды Конрада Шмидта об этике тому, что он провозглашал immoralным в произведениях Фридриха Энгельса.

Эти господа видят в Бернштейне и в К. Шмидте новых союзников и они им весьма признательны за этот неожиданный союз.

Это вполне естественно. Но будет ли, может ли быть продолжительной радость, вызванная статьями Бернштейна и К. Шмидта?

Я этого не думаю. Я думаю, наоборот, что она будет столь же кратковременной, какой была радость, вызванная раздорами «молодых» со «стариками». Точно так же, как эти раздоры не имели более серьезных последствий, кроме отъезда нескольких недисциплинированных и неспособных дисциплинироваться молодых людей, точно так же полемика, вызванная статьями Бернштейна и Конрада Шмидта, приведет в худшем случае к окончательному переходу этих господ в ряды буржуазной демократии. Это будет потерей для немецкой рабочей партии. Но социалистическое учение останется тем же, чем оно было, — несокрушимой крепостью, о которую разбиваются все вражеские силы. Радость идеологов буржуазии поэтому слишком преждевременна.

В самом деле, что говорят Эд. Бернштейн и Конрад Шмидт? Приводят ли они действительно новые аргументы против учения Карла Маркса? Посмотрим.

Как очень удачно выразился знаменитый австрийский социалист Виктор Адлер, социализм Маркса является не только экономическим учением, — это учение универсальное; движение революционного пролетариата — лишь фрагмент идейной революции, характеризующей наш век. Социализм Маркса имеет свою философию, как он имеет свое понимание истории и политической экономии. Бернштейн и Конрад Шмидт своей так называемой критикой нападают на современный социализм в целом. Мы последуем за ними во всей их аргументации.

Начнем с начала, т. е. с философии.

Вы все, конечно, знаете, что основоположник современного социализма был решительным сторонником материализма. Материализм был основой всего его учения. А Бернштейн и Конрад Шмидт выступают против материализма. Он им кажется ошибочной теорией. В статье, недавно появившейся в «Neue Zeit», Бернштейн зовет социалистов вернуться «bis zu einem gewissen Grad» (до известной степени) к Канту.

Он думает, впрочем, что современные материалисты уже отказались от чистого или абсолютного (это — его выражение) материализма. К сожалению, он не объясняет нам, что такое «чистый» или «абсолютный» материализм, но он цитирует слова современного материалиста, некоего Штреккера (Strecker), который сказал (по мнению Бернштейна — совсем в смысле Канта): «Wir glauben an das Atom», — мы верим в атом. Можно подумать после этого, что чистые или абсолютные материалисты говорили об атоме менее осторожно, что они, якобы, утверждали, что видели, осязали или нюхали атом. Но такое предположение лишено всякого основания. Некоторые небольшие цитаты покажут это вам с очевидностью.

Материалисты XVIII столетия были «чистыми» материалистами.

Возьмем сперва Ламеттри, этого застрельщика материалистической философии, который своей смелостью ужасал даже самых смелых.

«Природа движения, — говорит он («Человек-машина»), — так же мало известна, как и природа материи».

«Сущность души человека и животных, — говорит он в своем «Трактате о душе», — нам неизвестна и останется всегда столь же неизвестна, как и сущность материи и тел». И дальше: «Хотя мы не имеем никакого представления о сущности материи, мы не можем не признавать тех свойств, которые открываются в материи нашими чувствами».

Итак, Ламеттри открыто признает, что сущность материи ему неизвестна, что он знает лишь некоторые ее свойства, открываемые его чувствами. Это означает, что Ламеттри только верит в атом. А между тем это был «чистый» и «абсолютный».

Перейдем к другому представителю «чистого» и «абсолютного» материализма XVIII столетия.

«Мы должны будем признать, — говорит Гольбах в «Системе природы», — что сущность материи непостижима или, по крайней мере, что мы очень слабо постигаем ее сообразно тому, как она на нас воздействует... Мы знаем материю лишь по тем восприятиям, ощущениям и представлениям, которые она нам дает; затем мы судим о ней хорошо или плохо соответственно устройству наших органов...» И дальше: «Мы не знаем ни сущности, ни истинной природы материи, хотя мы в состоянии определить некоторые ее свойства и качества, сообразно тому, как она на нас действует».

Кажется, это также совсем «в смысле Канта»? Только написано это было до появления «Критики чистого разума».

А Гельвеций, тот, кого часто также называли самым абсолютным представителем материализма XVIII столетия?

О, он очень осторожен, этот абсолютный материалист! В своей книге «De l'Esprit» (которая была и т. д.) он говорит по поводу споров об отношении души и тела, что не нужно злоупотреблять словами, что нужно опираться на наблюдения, «итти только вместе с наблюдением, остановиться в тот момент, когда оно нас оставляет, и иметь смелость не знать того, чего знать еще невозможно».

Прибавлю, что Гельвеций считал лишь вероятным то, что в философии называется реальностью внешнего мира.

На-ряду со всем этим фраза Штреккера («мы верим в атом»), цитированная Бернштейном как свидетельство великих изменений, происшедших в учении материализма в последнее время, производит совершенно комическое впечатление. Бернштейн усматривает в этой фразе признание, совсем недавно вырванное у материализма под влиянием кантовской философии. Он думает, что чистые или абсолютные материалисты никогда не говорили и даже не подозревали ничего подобного. Вы видите, что это совершеннейшая неправда. И когда Бернштейн говорит нам: «вернемся bis zu einem gewissen Grad к Канту», мы ему отвечаем: товарищ Бернштейн, вернитесь в свой рабочий кабинет, изучите теорию, которую вы желаете критиковать, а затем мы с вами побеседуем.

Но вы, быть может, спросите меня, что представляет собою материализм XVIII столетия? Что представляет собою материализм Карла Маркса?

За меня ответят вам противники материализма.

Пойдите в Женевскую публичную библиотеку, возьмите там XXVIII том «Biographie universelle ancienne et moderne» и отыщите в нем статью «Ламеттри». Автор этой статьи говорит, что Ламеттри среди других книг написал книгу «Человек-машина» — «гнутое произведение, в котором пагубное учение материализма изложено без всяких смягчений». В чем же состоит это пагубное учение? Слушайте внимательно.

«Заметив за время своей болезни, что ослабление духовных способностей сопровождало у него ослабление физических органов, он вывел из этого заключение, что мысль является лишь продуктом его организации, и имел смелость опубликовать свои предположения».

Таким образом, мысль есть лишь продукт организации. Вот истинный смысл учения Ламеттри и других материалистов. Это может казаться смелым, но можно ли это?

Послушаем одного из наиболее замечательных и наиболее известных представителей современной биологии, покойного профессора Гексли.

«В настоящее время из тех, кто знаком с вопросом и знает относящиеся сюда факты, не может, конечно, сомневаться в том, что основы психологии заложены в физиологии нервной системы. То, что называют работой ума, есть совокупность мозговых функций, а материалы знания суть продукты деятельности мозга. Кабанис мог употреблять неуклюжую и ошибочную терминологию, когда он говорил, что мозг секретитрует мысль, как печень секретитрует желчь, но мысль, заключающаяся в этой формуле, в гораздо большей степени соответствует фактам, нежели общераспространенное представление, изображающее ум как метафизическую сущность, помещающуюся, правда, в голове, но столь же независимую от мозга, как телефонист отличен от аппарата, на котором работает».

Ламеттри происходит от Декарта. Не от его метафизики, которая была всецело идеалистической, а от его физиологии. И вот что говорит тот же Гексли о физиологии Декарта.

«Физиология Декарта, подобно современной физиологии, основы которой она превосходит, ведет прямым путем к материализму, поскольку можно применить это название к учению, утверждающему, что мы не можем знать никакой мыслящей субстанции вне субстанции, имеющей протяжение, и что мысль в той же мере, как движение, есть функция материи» («Les sciences naturelles et l'éducation», Paris 1891, article sur le «Discours sur la methode de Descartes», pp. 25—26).

Это верно, граждане и граждане, материализм в том виде, как он был построен в XVIII столетии, как он принят был основоположниками научного социализма, есть именно учение, утверждающее, что мы не можем знать мыслящей субстанции вне субстанции, имеющей протяжение, и что мысль в той же мере, как движение, есть функция материи. Но это есть отрицание философского дуализма и это ведет нас прямым путем к старику Спинозе с его единой субстанцией, двумя атрибутами которой являются движение и мысль. И в самом деле, современный материализм есть лишь более или менее сознающий себя спинозизм. Я говорю «более

или менее сознающий себя», потому что были материалисты, весьма слабо сознававшие свое родство со Спинозой. Таков был Ламеттри. Но со времени Ламеттри были материалисты, очень хорошо знавшие, что они происходят от Спинозы. Таков был Дидро. Вот что он говорит в небольшой статье «Спинозизм», напечатанной в XV томе «Grande Encyclopédie»¹⁾. А в тринадцатой теореме второй части «Этики» Спиноза говорит: «*Omnia individua quamvis diversis gradibus animata sunt*» (все индивидуумы в различной мере одушевлены). Это то, что говорил Дидро.

Фейербах («*Spiritualismus und Materialismus*») и Энгельс также были спинозистами.

Но в чем различие между понимаемым таким образом материализмом и кантианизмом? Различие огромно. Оно все заключается в том, что касается непознаваемого.

По Канту, вещи, нами воспринимаемые, сами в себе не таковы, какими мы их воспринимаем, и их отношения в действительности не таковы, какими они нам представляются; если отвлечься от субъективных свойств наших чувств, все свойства, все отношения предметов в пространстве и во времени, само пространство и само время исчезают, потому что все это существует лишь как феномены, т. е. лишь в нас. Природа предметов, рассматриваемых сами в себе и независимо от того, как мы их ощущаем, нам совершенно неизвестна. Мы знаем эти предметы лишь по тем ощущениям, какие мы от них получаем: предметы принадлежат, следовательно, к области непознаваемого.

В этом материалисты далеко не согласны с Кантом.

По Канту, мы знаем лишь предметы по ощущениям, которые мы от них получаем. Но если мы ощущаем предметы, то происходит это потому, — все по Канту, — что предметы оказывают на нас влияние. Феномены суть продукты действия на нас вещей в себе (ноуменов). Но действовать — это значит находиться в связи. Кто говорит, что предметы (или вещи) в себе на нас действуют, тот тем самым говорит, что знает некоторые отношения этих предметов если не между собою, то, по крайней мере, между ними и нами. Но если мы знаем отношения, существующие между нами и предметами в себе, то мы знаем также, через наши ощущения, и отношения, существующие между самими предметами. Это не непосредственное знание, но это все же знание, и раз мы им обладаем, мы не имеем больше права говорить о невозможности знать предметы в себе.

Знать — значит предвидеть. Раз мы можем предвидеть явление — мы предвидим и действие на нас некоторых предметов в себе. И вся наша промышленность, вся наша практическая жизнь основана на таком предвидении.

Теория Канта не выдерживает, следовательно, критики. Все, что есть верного в ней, сказано было французскими материалистами до Канта. Сущность материи остается для нас непознаваемой, мы познаем материю только по тому влиянию, какое она на нас оказывает.

Это сказано Энгельсом в его книге «Людвиг Фейербах» — и этого Бернштейн и Конрад Шмидт не поняли.

¹⁾ В XV томе «Энциклопедии» рядом с большой статьей о Спинозе есть небольшая заметка «*Spinosiste*», автор которой говорит, что спинозисты считают, что «существует только материя и что одной материи достаточно, чтобы все объяснить». — Прим. ред.

Это различие между материализмом и кантианизмом вам покажется, может быть, ничтожным. А между тем оно чрезвычайно важно — и не только с теоретической точки зрения, но также, — и, может быть, главным образом, — с точки зрения практической.

«Непознаваемое» Канта оставляет широко открытыми двери для мистицизма. В моей немецкой книге «*Beiträge zur Geschichte des Materialismus*» я показал, что это «непознаваемое» есть лишь бог, бог схоластический. Наоборот, материя, познаваемая нами по тому влиянию, какое она на нас оказывает, делает невозможным всякое теологическое толкование. Это — революционная теория — и именно поэтому она так не нравится буржуазии, которая гораздо больше предпочитает агностицизм Канта и наших современных кантианцев.

Повторяю. Когда Бернштейн зовет нас к Канту и когда он критикует современный материализм словами «*wir glauben*» etc., он обнаруживает только свое собственное невежество. С точки зрения философской так называемый кризис не опасен.

Перейдем к материалистическому пониманию истории.

В чем состоит это понимание?

Его часто очень плохо понимали и, если возможно, еще хуже толковали. Ложно толкуемая, эта теория кажется гнусной клеветой на род человеческий. Но укажите мне теорию, которая, плохо понятая и плохо интерпретируемая, не казалась бы гнусной и абсурдной? В действительности же материалистическое понимание истории является единственной теорией, которая дает нам возможность понимать человеческую историю как процесс, имеющий свои законы. Другими словами, это единственно научное понимание истории.

Чтобы дать вам точное представление о научном понимании истории, я прежде всего поставлю вопрос: что такое материалистическое понимание истории? Я вам процитирую одного французского писателя XVIII столетия, совершенно забытого в настоящее время, но написавшего любопытную книгу. Писатель этот — Селлье-дю-Файель (*Cellier du Fayell*), а книга его озаглавлена: «Общее происхождение литературы и законодательства у всех народов» («*Origine commune de la littérature et de la législation chez tous les peuples*». Paris 1786).

Селлье говорит: «Подобно тому, как литература есть выражение мысли литератора, закон есть выражение мысли законодателя, употребляя это слово в самом широком его значении. Существует, следовательно, общий источник как для литературы, так и для законодательства... и этот источник — это мысль, имеющая своим началом природу человека, которую нужно прежде всего изучить, если хотят действовать методически и подвигаться с некоторой уверенностью к поставленной себе цели» (стр. 7).

Вот совершенно идеалистическое понимание истории: мысль человеческая есть источник права, т. е. всего общественного и политического строя. Эволюция этого строя обуславливается законами человеческой мысли, а эти законы имеют свои корни в природе человека.

Это идеалистическое понимание истории разделялось, за малыми исключениями, всеми философами XVIII столетия, даже материалистами [по-русски в оригинале: «Слабые стороны»].

Слабую сторону, настоящую ахиллесову пяту этой теории, легко вскрыть. Сделаю это в немногих словах.

Если бы Селлье спросили, как образуются идеи у человека, он бы ответил: они являются продуктом окружающей общественной среды. Но что представляет собою окружающая общественная среда? Это совокупность тех самых общественных отношений, которые, по мнению того же Селлье-дю-Файелль, имеют своим источником человеческую мысль.

Таким образом, мы получаем следующую антиномию:

- 1) Общественная среда есть продукт мысли.
- 2) Мысль есть продукт общественной среды.

Пока нам не удастся вырваться из этого противоречия, мы ничего не будем понимать ни в истории мысли, ни в истории общественных форм.

Если вы возьмете, например, эволюцию литературной критики в XIX столетии, вы увидите, что она была не в состоянии, и отчасти до сих пор не в состоянии, разрешить эту антиномию. Так, по мнению Сент-Бёва, всякая революция в обществе сопровождается литературной революцией. Но чем порождаются общественные революции? Они вызываются развитием человеческой мысли; но так как в цивилизованных обществах эволюция мысли находит свое выражение в литературной эволюции, то мы натываемся на ту же антиномию: литературная эволюция обуславливается общественной эволюцией; общественная эволюция обуславливается литературной эволюцией. Философия искусства Ипполита Тэна страдает тем же основным недостатком.

Мы увидим сейчас, каким образом исторической концепции Маркса удалось разрешить эту антиномию.

Материалистическая теория Маркса является прямой противоположностью теории XVIII столетия. Сравнивая свой метод с методом Гегеля, Маркс говорит в предисловии ко второму немецкому изданию «Капитала»: «Для Гегеля процесс мысли, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть demiurge действительности, представляющей лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное».

Вот материалистическое понимание истории человеческой мысли. Энгельс ту же теорию изложил в более популярной форме, сказав, что не мышление определяет бытие, а бытие определяет мышление.

Но чем же, — спросят меня, быть может, — определяется форма бытия, если она не определяется мышлением?

Форма бытия общественного человека определяется его средствами существования, которые, в свою очередь, зависят от состояния производительных сил, находящихся в распоряжении общественного человека, т. е. общества. Производительные силы, которыми располагает дикое племя, определяют форму бытия этого племени; производительные силы, которыми располагали европейцы в средние века, определяли строй феодального общества; производительные силы наших дней определяют строй современного общества, капиталистического, буржуазного общества.

Вы все, конечно, знаете, что характер оружия обуславливает состав армий, планов кампаний, передвижения, позиций, порядок сражений и т. д., и т. д. Этим и обуславливается столь глубокая разница между военными системами древних и

современных народов. Точно так же состояние производительных сил, средства и способы производства определяют отношения производителей между собою, т. е., следовательно, и всего общественного строя. Но раз дан общественный строй, легко понять, каким образом он определяет состояние нравов людей и строй их идей.

Чтобы легче было это понять, возьмем пример.

Реакционеры часто обвиняли французских философов XVIII столетия, энциклопедистов, в том, что они своей пропагандой подготовили Великую французскую революцию. Не подлежит сомнению, что эта пропаганда была условием *sine qua non* революции. Но позвольте спросить, почему эта пропаганда начинается лишь в XVIII столетии? Почему она не происходила в эпоху Людовика XIV? Где нужно искать ответа на этот вопрос? Может быть, в общих свойствах природы человека? Нет, эти свойства были те же во времена Боссюэ, как и во времена Вольтера. Но если французы времен Боссюэ не имели тех же идей, как во времена Вольтера, то это объясняется тем, что общественный строй Франции изменился. А где лежала причина этого изменения? В экономической эволюции Франции.

Беру другой пример — на этот раз из истории искусства во Франции.

Дайте себе труд посмотреть эти две гравюры, сделанные по Буше, и эти две фотографии двух знаменитых картин Луи Давида. Они представляют два совершенно различные фазиса в истории французской живописи. Всмотритесь в отличительные черты письма Буше и сравните их с отличительными чертами письма Давида и скажите мне, есть ли возможность объяснить различие между этими двумя манерами живописи общими свойствами человеческой природы? Что касается меня, то я такой возможности не вижу. Я точно так же не понимаю, каким образом свойства человеческой природы могли бы мне объяснить переход от живописи Буше к живописи Л. Давида. И, наконец, я не понимаю, в силу каких свойств человеческой природы переход от живописи Франсуа Буше к живописи Луи Давида должен был совершиться именно в конце XVIII столетия. Человеческая природа ничего не объясняет. Обратимся к материалистическому объяснению истории искусства.

Повторяю еще раз — не психология, а политическая экономия должна нам объяснить эволюцию общественных форм и человеческой мысли. Не мышление определяет бытие, а бытие определяет мышление.

Против этого объяснения истории, на которое так часто нападают идеологи буржуазии, выступил также Конрад Шмидт и выступит, по всей вероятности, и Бернштейн в серии статей, которые он публикует теперь в «*Neue Zeit*».

Вырочем, они не открыто выступают против него. Наоборот, они даже заявляют себя его сторонниками, но они так толкуют его, что совершенно отходят от материалистического объяснения и возвращаются к идеализму или, вернее, к эклектизму.

Так, например, в одном немецком журнале, «*Der Sozialistische Akademiker*», Конрад Шмидт сказал, что экономика общества есть лишь эманация природы человека и что природа человека есть высшее и синтетическое единство (*höhere zusammenfassende Einheit*), фон, на котором разпырывается действие всех факторов исторической эволюции. Но это высшее единство, — прибавляет он, — проявляется всегда в различных формах.

Чтобы понять всю ложность этой теории, достаточно спросить себя, каковы те силы, благодаря которым природа человека переходит от одной формы к другой?

Каковы те силы, благодаря которым природа американского янки так глубоко отличается от природы краснокожего? Эти силы, каковы бы они ни были, не кроются, очевидно, в природе человека. Следовательно, природа человека не есть то высшее и синтетическое единство, о котором нам говорит Конрад Шмидт.

Экономический строй нашего общества глубоко отличается от экономического строя краснокожих. Сказать, что этот строй есть эманация человеческой природы, значит не сказать решительно ничего, потому что вопрос именно в том и состоит, почему данная эманация так глубоко отличается от другой эманации. При ближайшем рассмотрении глубокая мысль Конрада Шмидта сводится к тому, что не было бы истории, если бы не было рода человеческого. Вот уж подлинно истина Ла Палиса! ¹⁾

Таким образом, критика Конрада Шмидта далеко не опасна для материалистической концепции или, лучше сказать, она опасна лишь в том случае, если принимать Конрада Шмидта за марксиста.

З а к л ю ч е н и е.

И с этой точки зрения так называемый кризис в школе Маркса не очень трудно будет пережить.

В следующий раз мы увидим, есть ли что-нибудь серьезное в возражениях Бернштейна и Конрада Шмидта против экономических воззрений Карла Маркса.

¹⁾ [Истина Ла Палиса (la vérité de la Palice) — это истина, очевидная сама по себе, которую нет надобности доказывать.]

